

Слово памяти и печали...

Умерла Оксана Тимофеевна Леонтьева... Мой лучший учитель и старший друг, человек, которого я вспоминаю каждый раз, когда беру в руки свои книги, потому что каждую из них она первой читала в рукописи. Вспоминаю наши с ней длинные-предлинные беседы обо всем подряд, что было прежде и что наполняло тогда нашу жизнь, ее простоту и мудрость, нелюбовь ко всему вычурному и неестественному — как слову, так и поведению.

Оксана Тимофеевна была блестящим литературным редактором, ее замечания по тексту — точные и остроумные — я любила читать по нескольку раз, покатываясь со смеху над своими же «нарочно не придумаешь». При встрече всегда мне говорила, что сам текст написан прекрасно, только она заменила иностранные слова на русские: «Всякие там штабшпили лучше назвать ксилофонами, так будет всем понятней, а слово сензитивный обозначает чувственный — и так тоже лучше». Из года в год, пока я с ней общалась, она не переставая учила меня писать по-русски просто и понятно, нещадно «истребляла» в моих рукописях всякий словесный сор и тяжеловесность, амбициозное наукообразие.

Теперь, когда кто-нибудь мои научные статьи критикует за «ненаучно-доступный» публицистичный стиль изложения, я это воспринимаю с гордостью как большой комплемент и бесконечно мысленно благодарю Оксану Тимофеевну.

Будучи очень больным и крайне ограниченным в своем общении с миром человеком, она смиренно принимала затворничество, уроки судьбы — и никогда ни на что не жаловалась. Ее друзьями в последнее были всего несколько человек, а еще — растения, которыми она наполняла свой дом. Особо прекрасными из них восхищалась, как принцами и принцессами.

Ее научная скрупулезность меня просто поражала. Как музыковед это был ученый в лучшем понимании слова «старой закалки». Даже малейшее сомнение насчет дат, смысла иностранных слов, терминов, написания фамилий тут же уточнялось с помощью справочников и словарей, коих у нее было на колках

очень много. Блестящая фактическая память, которую до последних дней жизни не тронула болезнь, хранила в себе воспоминания об учителях и коллегах, встречах с Карлом Орфом и Вильгельмом Келлером, дружба и переписка с которым не прерывалась много лет. Рассказы о ее поездках в Зальцбург были полны юмора и светлых воспоминаний, в них все оживало, как будто наяву.

В ней жил еще и блестящий ученый-историк, имевший уникальные навыки работы с документами. Бережно, в отдельных папках, хранились фотографии и исторические документы, все рукописные материалы лежали сгруппированные по темам и годам так, что в любой момент все нужное оказывалось на столе в мгновение ока. Пластинки с музыкой и ноты произведений Карла Орфа — уникальные и единственные в России экземпляры, Оксана Тимофеевна собиралась передать в Ленинскую библиотеку. Документы по истории ее семьи, тщательнейшим образом подготовленные, сданы в архив и могут еще пригодиться исследователям сталинских времен.

Книги, книги, книги по всем стенам квартиры хранили воспоминания не только о ее собственной работе, интересах — многие из них принадлежали мужу, Д. Житомирскому, блестящему музыковеду, исследователю творчества Р. Шумана, документы и рукописи которого также бережно были отданы в архив.

Общаться с ней было так легко, как будто и не существовало границы возраста, опыта, знания. Отзывчивость и желание помочь тому, что она считала важным и нужным, были мгновенными. Но если что-либо ею не принималось и было лишено простого здравого смысла, то тут можно было попасть под «обстрел» ее блестящего саркастичного ума.

В последнее свое свидание с ней я вдруг услышала «заходите ко мне иногда, мне с некоторыми не о чем говорить, а с вами всегда есть о чем»... Но это было сказано мне, к сожалению, в последний раз. И теперь нет у меня честнейшего человека, такого простого и естественного, доброго и умного, встречу и дружбу с которым я воспринимаю, как величайшую удачу в своей жизни.

Т. Тютюнникова